

В.М. ХЕВРОЛИНА

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РАМКАХ КРЫМСКОЙ СИСТЕМЫ

Парижский договор 1856 г., завершивший Крымскую войну, навязал Петербургу тяжелые условия мира. Они стали результатом альянса Запада во главе с Англией и Турцией, целью которого было сдерживание России на юго-западе Европы. От России были отторгнуты три южных уезда Бессарабии, вследствие чего она потеряла выход к Дунаю. Судходство по нему попало под контроль Австрии. Россия лишилась единоличного права покровительства Сербии, Дунайским княжествам (Молдавии и Валахии), православным христианам османских балканских провинций. Эти права были заменены коллективной гарантией шести держав – участниц Парижского конгресса. Кроме того, Англия, Франция и Австрия подписали акт о гарантии неприкосновенности Турции и о невмешательстве в ее внутренние дела, что ставило преграду национально-освободительной борьбе балканских христиан. Парижским договором России запрещалось иметь военный флот и укрепления на Черном море, а Турция в случае войны с ее участием могла пропускать туда военные корабли. Русское черноморское побережье оказалось беззащитным. Многие торговые города и порты на Черном море, через которые шел хлебный вывоз в Европу, могли подвергнуться нападению вражеского флота, а плодородные земли побережья, где усиленными темпами развивалось товарное земледелие, – захвату и опустошению. В Балтийском море были демилитаризованы принадлежавшие России с 1809 г. Аландские острова. Таким образом, в результате Крымской войны Россия потерпела крупное геостратегическое поражение, потеряв многие завоевания предшествующего времени.

Однако не все проекты западных стран были реализованы. Так, в результате англо-французских разногласий, которыми Россия сумела воспользоваться, на Парижском конгрессе не прошло английское предложение о нейтрализации Азовского моря; из-за сопротивления Вены было отвергнуто намерение Наполеона III объединить в одно государство Дунайские княжества. Парижский договор создавал, таким образом, целую систему обязательств, принятых Россией, Турцией и державами, и получившую неофициальное название Крымской системы. Главная ее цель состояла в политике сдерживания России и применения к ней различных санкций. Державы стремились подорвать роль России на Балканах и не допускать ее серьезного влияния в европейских делах. Поэтому одной из основных задач Петербурга стал выход из международной изоляции, что можно было достигнуть только политикой лавирования и временных союзов.

Крымская система максимально отвечала интересам Лондона, который получил главный выигрыш – политическое и экономическое преобладание в Османской империи. Но преобладающего влияния можно было добиться лишь при условии поддержки освободительных движений балканских христианских народов. Англия же ратовала за целостность Османской империи и негативно относилась к освободительным движениям балканских христиан. Позднее английский министр по делам колоний Р. Солсбери заявил, что курс Лондона на поддержку Порты оказался глупостью, и был недалек от

Хевролина Виктория Максимовна – доктор исторических наук, специалист по истории внешней политики России второй половины XIX в.

истины. Христианское население Балкан в подавляющем большинстве считало Англию своим злейшим врагом. Мусульманское же население и духовенство, предпочитавшие жить по Корану, выступали против планов реформирования, модернизации и европеизации, что мыслилось Европой как путь сохранения Османской империи. Теми фрагментами реформ, которые удалось реализовать, смогло воспользоваться – в значительной степени с помощью России – христианское население.

Разрушив систему сдержек и противовесов, победители столкнулись с ликвидацией порядка, поддерживавшего мир в Европе, гарантом которого являлась Россия. В ее лице они приобрели врага, стремившегося к восстановлению своих прежних позиций. Российское общество, но прежде всего военные деятели еще долго руководствовались реваншистскими идеями, а политики активизировали усилия в областях, пока труднодоступных для Европы – в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Россия ставила здесь цель не только расширить собственную территорию и зоны влияния, но и сдержать проникновение в эти регионы европейских держав.

С развитием капитализма и колониализма, национальных освободительных и объединительных движений изменилась сама направленность структуры политики европейских стран. Судьбу Европы стали определять державы-хищницы – Англия, Франция, Пруссия. Не имея большой армии на континенте, Англия действовала в колониях, но ее мощный флот представлял серьезную угрозу. Поэтому в различных европейских конфликтах она активно участвовала в качестве арбитра. Франция и Пруссия направили свою агрессию на соседние более слабые страны, расширяя собственную территорию военным путем, а также осуществляя там экономическую экспансию. В этих условиях “европейское равновесие” было крайне условно и кратковременно. Войны Франции, Пруссии, Австрии и Италии 1850–1860-х годов были тесно связаны с национально-освободительными и объединительными движениями европейских народов. Главной задачей Франции, Пруссии и Австрии являлось стремление к гегемонии в Европе.

Во внешнеполитической борьбе политики использовали все средства: ложь, обман, отказ от ранее принятых обязательств, двойной стандарт. Так, выдвинутый императором французов Наполеоном III принцип национального самоопределения народов широко применялся им в итальянском и польском вопросах, поскольку это было в интересах Франции. А законность национально-освободительного движения балканских христианских народов, венгров Австрии и ирландцев отрицалась. Россию, которая поддерживала борьбу балканских славян, постоянно обвиняли в агрессивных планах.

Идейно-политическая борьба вообще стала играть большую роль во внешней политике. Политика Англии, Франции и Австрии, пытавшихся отстранить Россию от всех европейских дел, подкреплялась усилением русофобства в общественном мнении этих стран и особенно в их консервативной прессе. Англия всячески поощряла деятельность русской революционной эмиграции, в частности А.И. Герцена и Н.П. Огарева, направленную на компрометацию и разрушение политико-государственного строя России. Франция поддерживала польскую эмиграцию в Европе, Австрия – венгерскую на Балканах.

В течение всего существования Крымской системы русские дипломаты предпринимали невероятные усилия, чтобы достичь отмены нейтрализации Черного моря. Они использовали различные способы и комбинации политического и дипломатического характера, но действовали очень осторожно, памятуя о “крымском уроке”. Моральный удар был очень жесток.

Поражение в войне выявило все пороки политической и социальной системы в России. На повестку дня был поставлен вопрос о коренном реформировании государственного аппарата, финансово-экономической и социальной среды, но в первую очередь – об отмене крепостного права, ибо крепостничество пронизывало всю жизнь России, обуславливая ее экономическую, финансовую отсталость.

В изменившихся условиях перед российской дипломатией встала задача выработки новых начал внешней политики. Правда, 20 февраля 1856 г. в заявлении иностранным дипломатам Александр II сказал, что будет придерживаться принципов политики отца

и дяди, “начал Священного союза”. Но вместе с тем в феврале 1856 г. в министерстве иностранных дел была составлена особая записка “О политических соотношениях”, автором которой являлся канцлер К.В. Нессельроде. В документе было заявлено, что политика страны должна исходить из национальных интересов, что надо отказаться от принципов Священного союза, согласно которым Россия вмешивалась в дела других государств и тем отвратила от себя общественное мнение Европы. Под национальными интересами Нессельроде понимал “необходимость... заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена”¹.

Для успеха реформ России нужен был длительный мир. Новая внешнеполитическая ориентация требовала смены дипломатического руководства. В апреле 1856 г. Александр II назначил министром иностранных дел Александра Михайловича Горчакова, имевшего 38-летний опыт дипломатической работы в Европе. Будучи посланником в Вене, он принимал активное участие в работе Венской мирной конференции 1854–1855 гг., где вступил в тайные переговоры с доверенным лицом Наполеона III министром внутренних дел Франции Шарлем де Морни. Усилия Горчакова по сближению с Францией сыграли свою роль в период работы Парижского конгресса 1856 г., ослабив антироссийскую коалицию держав-победительниц².

По своим политическим взглядам Горчаков являлся представителем либеральной бюрократии, выступавшей за проведение буржуазных реформ в стране, но относился к ее консервативному крылу. Он подчеркивал, что в основе его дипломатической деятельности всегда лежали национальные интересы России. Программа Горчакова в области внешней политики была изложена им в циркуляре от 21 августа 1856 г.³, во многом базировавшемся на идеях, высказанных ранее в записке Нессельроде. Впрочем, эти идеи были очевидны для подавляющей части российского общества.

Основной задачей России циркуляр объявлял проведение внутренних преобразований как главного содержания ее национальных интересов, а во внешней политике – мир, отказ от принципов Священного союза и вмешательства в дела других государств. Горчаков призвал к всеобщему миру, установлению “нормального порядка” международных отношений, провозглашенного Парижским конгрессом, отметил необходимость реализации этих принципов в отношении оккупированной Греции и ограничения власти неаполитанского короля.

Отметим, однако, некоторую непоследовательность позиции Горчакова. В действительности Россия не полностью отказалась от принципов легитимизма и консерватизма, как принято считать в литературе. Принципами легитимизма она руководствовалась, например, в итальянском вопросе, когда требовала сохранения прав многочисленных итальянских монархов, чьи владения объединялись в единое государство – Италию, и фактически выступала против ее объединения. Долгое время Россия ратовала за сохранение власти султана в отдельных христианских балканских провинциях, население которых вело национально-освободительную борьбу. Опасаясь всеобщего взрыва на Балканах, она пыталась предотвратить масштабную войну в регионе, вмешательство в нее европейских государств и до конца 1860-х годов, пока не разразилось восстание греков на Крите, всколыхнувшее общественное мнение Европы и России, спокойно относилась к отчаянным призывам турецких христиан о помощи. В войне Австрии и Пруссии с Данией в 1864 г. Россия поддержала завоевателей, отторгнувших от Датского королевства княжества Шлезвиг и Гольштейн.

¹ Пономарев В.Н. Финал долгой карьеры К.В. Нессельроде и Парижский мир. – Российская дипломатия в портретах. М., 1992, с. 197.

² Киняпина Н.С. А.М. Горчаков: личность и политика. – В кн.: Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 51.

³ Канцлер А.М. Горчаков, с. 209–212.

Следовательно, когда того требовали национальные интересы России, она отступала от провозглашенных в циркуляре Горчакова принципов своей внешней политики. В этом плане циркуляр был откорректирован Отчетом министерства иностранных дел за 1856 г. На первое место министр уже поставил интересы России, свободу ее действий, а также сохранение мира в Европе как основную задачу российской внешней политики⁴. И в циркуляре от 21 августа 1856 г., и в других документах, обращенных к европейским дипломатам, Горчаков подчеркивал, что Россия никогда не стремилась и не стремится к мировому господству и что ее роль в том или ином конфликте будет только миротворческой или сочувствующей какой-либо из конфликтующих сторон.

Уверенность в действенности “европейского концерта”, возможно, и привела к столь длительному отставанию в проведении Россией военной реформы, которая не была завершена и через 20 лет после окончания Крымской войны. Конечно, свою роль в этом сыграло и сопротивление российских консервативных кругов. Можно сказать, что России повезло: главные участники европейской сцены были заняты конфликтами между собой или же колониальными захватами. Кроме того, Россия со своей огромной территорией и неисчерпаемыми людскими ресурсами по-прежнему внушала опасения европейским агрессорам. Однако утверждать, что страна была неуязвима, не следует.

Хотя описываемые Горчаковым в Отчете явления имели разную природу, все они дестабилизировали ситуацию в Европе. Боязнь революции заставляла министра видеть революционное начало везде – и в национально-освободительных, и в объединительных движениях “сверху” и “снизу”, и в завоевательных планах Наполеона III. Похоже, он стал понимать, что сохранение “европейского равновесия” потребует от России немалых жертв, что выразилось, к примеру, в ее признании объединения Италии.

Таким образом, Крымская система характеризовалась двумя противоположными явлениями: с одной стороны, стремлением сохранить единство действий держав-победительниц, так называемый “европейский концерт”, а с другой – наличием острых противоречий между этими самыми державами (Италия – Австрия, Франция – Пруссия), приводивших к войнам в Европе. Державы были едины только в том случае, когда требовалось объединиться против России, как, например, в Восточном вопросе. Однако Горчаков постоянно искал пути к равновесию, делая ставку то на одного, то на другого возможного союзника.

Оценивая сложившуюся в Европе ситуацию, Горчаков писал в Отчете министерства иностранных дел за 1859 г.: “В Европе исчезли принципы солидарности, кабинеты изолированы. Франция превращается в милитаризованную державу, она нанесла моральный удар соглашениям 1815 г. поощрением прав народов и принципа национальностей... В Европе родилась новая политическая доктрина – экспансия, что выражается в намерении Франции переместиться с границ Альп на границы Рейна. Эту доктрину разделяют революционные силы Венгрии, славянских земель Австрии, германских княжеств – Шлезвига и Гольштейна, Дании, турецких христиан, Польши, Ирландии”⁵. К революционным силам Горчаков причислял также сторонников объединения Германии. И все-таки министр стремился базировать свою европейскую программу на принципах европейского равновесия и баланса интересов, что отчасти было и во времена Священного союза, об исчезновении которого Горчаков вспоминал с горечью. Ему трудно было приспособиться к новым реалиям.

Как уже говорилось, Крымская система являлась продуктом новой эпохи – капиталистической. С крахом Священного союза получили новый импульс национально-освободительные и объединительные движения. Теперь в ряде стран они уже не подавлялись объединенными европейскими силами, а использовались Лондоном и Парижем (позже Берлином) в своих целях. С устранением главенствующего положения и стабилизирующей роли России обострение противоречий между державами усилилось,

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 137 (Отчеты МИД), оп. 475, д. 43, л. 134–137.

⁵ Там же, д. 40, л. 8.

началась эпоха войн и территориальных переделов, развернулась борьба за гегемонию в Европе. Еще большую остроту приобрел Восточный вопрос, который использовался для обвинения России в агрессивных замыслах.

Одной из основных геополитических целей внешней политики России Горчаков считал восстановление и укрепление ее позиций на Балканах при сохранении хороших отношений с Турцией. Это было сложным делом, поскольку с середины XIX в. на Балканах наряду с национально-освободительным движением подвластных туркам народов все активнее становилась политическая, экономическая и идеологическая экспансия европейских держав, в особенности Австрии. России приходилось строить свою политику с учетом этих факторов и при условии, что военное решение надолго исключалось из арсенала ее внешнеполитических средств.

Первейшей задачей была отмена унижительных для России решений Парижского конгресса о нейтрализации Черного моря (запрещение иметь там военный флот, крепости и др.), что стало бы важным шагом в деле подтверждения ее статуса великой державы. Однако даже если Россия и имела бы флот и укрепления на Черном море, она все равно целиком зависела бы от Турции – хозяйки Черноморских проливов. Проход военных судов через проливы был запрещен. Изменение режима проливов в интересах России, контроль над ними был еще одной злободневной задачей ее внешней политики, но в то время ее исполнение было нереальным. Канцлер хорошо это понимал.

Послевоенная и вплоть до середины 1870-х годов балканская политика России свидетельствует о том, что Горчаков надеялся добиться намеченных целей с помощью “европейского концерта”. Однако, преследуя собственные интересы, державы-победительницы перекрыли России все возможности для решения ее задач, за исключением второстепенных.

Понимая необходимость для России выйти из международной изоляции, Горчаков в попытке расколоть европейскую коалицию пошел на сближение с Францией, хотя несостоятельность обещаний Наполеона III поддержать Петербург в намерении отменить нейтрализацию Черного моря была очевидна. В отличие от Англии и Австрии у Франции не было существенных интересов в Черном море и на Балканах. Наполеон III, собираясь воевать с Австрией, чтобы расширить территорию Франции за счет итальянских земель – Ниццы и Савойи, также был заинтересован в сближении с Россией. Горчаков не стал ему в этом препятствовать. Раздор в европейской коалиции был канцлеру только на руку. Кроме того, он надеялся на помощь Франции в деле объединения Дунайских княжеств – Молдавии и Валахии, чтобы ослабить позиции Австрии на Балканах⁶. В основных чертах этот план был выполнен.

Рассматривая послевоенную расстановку сил в Европе, Горчаков в Отчете министерства иностранных дел за 1856 г. указывал, что Франция, выйдя из войны, заметно усилила свои позиции и стала наиболее важной европейской державой. Наполеон III “вернул Франции ее значение в Европе, разрушил существовавшие против нее союзы, поднял боевой дух нации и создал значительные морские силы”⁷. Далее Горчаков замечал, что основные интересы Наполеона III находятся в Европе. Это – Рейнские провинции, Италия и, конечно же, соперничество с Англией. Таким образом, у России и Франции, считал министр, нет особых противоречий, а курс на сближение должен базироваться на отсутствии существенных разногласий между странами. Сближение с Францией давало, по его мнению, возможность России вновь стать полноправным участником “европейского концерта”. Но Горчаков преувеличивал желание Наполеона содействовать России, в частности, ее планам по восстановлению прежних позиций на Черном море. Явным просчетом Горчакова была надежда на то, что Наполеон перестанет выдвигать “опасный для нас” принцип национальности и не будет разжигать болезненный для России польский вопрос. Здесь более дальновидной оказалась пози-

⁶ *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005, с. 53.

⁷ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 49, л. 44.

ция Александра II, не доверявшего императору французов и предпочитавшего союзу с Францией опору на Пруссию.

Наполеон III действительно не собирался содействовать реализации черноморских планов России и рассматривал ее лишь как вспомогательного союзника, нейтрализующего силы его противников. Так, он рассчитывал на помощь Петербурга в войне с Австрией и в деле объединения Италии, что не отвечало насущным интересам России, вело к серьезным осложнениям ее отношений с Веной.

Русско-французские переговоры начались в 1857 г. Российская дипломатия упорно сопротивлялась желанию Наполеона III втянуть Россию в войну с Австрией. Как писал Горчаков, “это ввергло бы нас в европейский пожар, который революция и общее пробуждение народностей сделали бы вдвойне опасным и который поглотил бы средства, необходимые для проведения наших внутренних реформ в ущерб стране”⁸. Петербург согласился лишь на доброжелательный нейтралитет России и выдвижение к австрийской границе русского армейского корпуса, т.е. на военную демонстрацию. Но и она не состоялась вследствие кратковременности войны.

Между тем Наполеон III, по сути, отказался поддержать русское требование о пересмотре в интересах России статей Парижского трактата, дав неопределенное обещание внести изменения в эти статьи в интересах обоих государств. Русско-французский договор был подписан 19 февраля (3 марта) 1859 г. В основном он имел для России политическое значение, поскольку обозначал ее выход из изоляции.

Не дождавшись обещанной Наполеоном III поддержки в черноморском вопросе, российская дипломатия, тем не менее, добилась с помощью Франции существенных выгод. Так, Париж оказал Петербургу содействие в деле объединения Молдавии и Валахии. На Парижской конференции 1858 г. усилиями русских и французских дипломатов была провозглашена автономия Молдавии и Валахии, объединившихся затем на основе личной унии под властью единого правителя А.И. Кузы.

Горчаков рассчитывал укрепить влияние России в княжествах и превратить их в плацдарм для продвижения к Константинополю. Этому противодействовала Австрия, которая расширяла свое присутствие в княжествах, осуществляя экономическую экспансию, строительство шоссейных дорог и практически контролируя судоходство по Дунаю. Вопрос о противодействии Австрии в княжествах объединил Париж и Петербург. Совместными усилиями при поддержке Пруссии и Сардинии министру иностранных дел Франции А. Валуевскому и российскому послу в Париже П.Д. Киселеву удалось отбить попытку Турции ввести в княжества войска.

Россия и Франция совместно действовали также в черногорском и греческом вопросах. Благодаря их дипломатическим демаршам Турция в 1858 г. прекратила войну в Черногории, причем к последней отошли территории Грахово, Рудине и Никшичская жупа. Большую роль здесь сыграл лично Горчаков, проявивший инициативу в проведении русско-французской военно-морской демонстрации в Адриатическом море⁹.

Однако между Россией и Францией не было полного единства в итальянском и балканском вопросах. Россия вовсе не хотела непомерного усиления Франции. Непредсказуемость действий Наполеона III, его мечты о главенстве в Европе пугали Петербург: честолюбивый император мог добраться и до Балкан, тем более что у Франции были свои экономические интересы в Османской империи и в Дунайских княжествах.

Поэтому когда в 1859 г. Франция совместно с Сардинией вступила в войну с Австрией, Россия, хотя и поддержала Наполеона III, высказалась против ликвидации итальянских государств, находившихся в центре и на юге Апеннинского полуострова, опасаясь, что объединенная Италия усилит позиции Франции и это нарушит европейское равновесие. Александр II даже предлагал созвать европейский конгресс по итальянскому вопросу, но Англия, Австрия и Пьемонт выступили против, что лишний

⁸ Горчаков А.М. Обзор секретных соглашений, заключенных императорским правительством. 1859 г. – Канцлер А.М. Горчаков, с. 262.

⁹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1976, с. 187.

раз свидетельствовало о пока еще невысоком престиже России. После окончания франко-австрийской войны 1859 г. легитимные права итальянских монархов сохранить не удалось. Но характерно, что во время встречи в Варшаве в октябре 1860 г. бывших участников Священного союза – русского, австрийского и прусского монархов – Россия не поддержала требования Австрии сохранить североитальянские герцогства и не включить их в состав Италии.

Союз с Францией был для Петербурга важнее солидарных принципов Священного союза. Правда, Петербург признал Италию только в июле 1862 г. Утешая себя и императора, Горчаков писал в Отчете министерства за 1862 г., что создание Итальянского королевства покончило с революциями в Италии, способствовало наведению порядка в государстве и лишило точки опоры “космополитическую революцию”. Он имел в виду выступления в Италии, Польше, Венгрии, Румынии, Сербии и Греции, направленные против “московского царизма”, Австрии и Турции¹⁰.

Итало-австрийская война осложнила русско-французские отношения. Россия не могла смириться с диктаторскими замашками Наполеона III, претендовавшего на роль вершителя судеб Европы. Одержав победу над Австрией и фактически подчинив себе Италию, он уже не нуждался в поддержке России, и было ясно, что его обещания учесть российские интересы в черноморском вопросе и на Балканах так и останутся обещаниями. Стабильное внутривосточное и экономическое положение Франции, как казалось императору французов, позволяло ему хозяйничать не только в Европе, но и на других континентах – в Северной Африке, Мексике, Индокитае.

Задачи российской внешней политики не ограничивались только европейским ареалом. Однако другие ее направления волновали Горчакова гораздо меньше, чем отмена нейтрализации Черного моря и восстановление престижа России в Европе. Объявив главными национальными интересами страны вопросы ее внутреннего развития, Горчаков даже не упомянул в своем Отчете о стратегическо-оборонительном факторе. Возможно, он считал его прерогативой специальных министерств, но скорее исходил из собственного видения Европы, устроенной на началах “европейского равновесия” и “баланса интересов”, что исключало войны. Во всех его комбинациях Россия в 1850–1860-е годы ни разу не фигурирует как объект или субъект военного нападения¹¹.

Чтобы сохранить мирные отношения с державами, министр старался избежать новых осложнений любой ценой. После заключения Парижского мира британский флот, игнорируя решения трактата, долго не покидал Черного моря. Англичане входили даже в Керченский пролив, доставляя оружие и боеприпасы кавказским горцам. В английских газетах велась враждебная агитация против действий России на Кавказе. Как писал военный министр Д.А. Милютин, “МИД был так запуган англичанами, что закрывал глаза на все их вопиющие нарушения международного права, чтобы избежать новых придинок”¹². Вероятно, именно поэтому Горчаков воспротивился и предложению о крейсерстве русских судов вдоль восточных берегов Черного моря, и предложению кавказского наместника, главнокомандующего Кавказской армией А.И. Барятинского развивать мореходство по Каспию и открыть там порт на восточном берегу, чтобы предотвратить проникновение англичан на Каспий и в Дагестан. Когда в январе 1857 г. план русского укрепления на восточном берегу Каспия обсуждался на особом совещании у императора, Горчаков, ссылаясь на депеши посла в Лондоне Ф.И. Брунова, назвал опасным каждый шаг России на Востоке, сколько-нибудь задевающий интересы Лондона¹³.

То, что Россия продолжала Кавказскую войну, беспокоило всю Европу: “медведь”, оказывается, не повержен и пытается взять реванш в Азии! – хотя это были действия, направленные на скорейшее завершение конфликта. 1 августа 1857 г. П.Д. Киселев

¹⁰ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 49, л. 44.

¹¹ Там же.

¹² Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860 гг. М., 2003, с. 58–59.

¹³ Там же, с. 64–65.

писал Д.А. Милютину, что английская пресса обвиняет Россию и в восстании сипаев в Индии, и в начале англо-персидской войны. “Россия, – отмечал он, – несмотря на Парижский трактат, остается пугалом для западных мечтателей, в числе коих всегда и везде являются англичане”¹⁴.

Для демонстрации Европе своих возможностей решено было отправить в Среднюю Азию и Персию три экспедиции: под началом Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару, Н.В. Ханыкова в Хорасан и Герат и Ч.Ч. Валиханова в Кашгар. Объявлялось, что экспедиции преследуют научные цели, однако на них были возложены также дипломатические и военные задачи, в частности, выяснение присутствия англичан в среднеазиатском регионе и, насколько возможно, ограничение их дальнейшего туда проникновения.

Внешилоллитическая энергия с середины 60-х годов XIX в. устремилась и на Дальний Восток, где решались проблемы Сахалина, Курил, Русской Америки. В какой-то степени это была реакция на поражение России в Европе, стремление взять реванш, а также создать возможную угрозу владениям Англии в Азии, особенно в Индии, где развивалось национально-освободительное движение против английских колонизаторов. С целью давления на Англию генералы даже предлагали поход в Индию. Их инициативы вызывали протесты Горчакова. Разногласия между дипломатами и военными усиливались. Не обращая внимания на призывы Горчакова к сдержанности, военные активно действовали в Средней Азии. Генерал М.Г. Черняев, например, взял Ташкент, даже не испросив разрешения Петербурга.

Азиатская политика России заставляла считаться с ней и давала определенный козырь в руки российской дипломатии. Благодаря настойчивости и храбрости полковника Н.П. Игнатьева в 1858 г. были установлены дипломатические отношения с Бухарским эмиратом и заключено выгодное для России соглашение о торговле. В ноябре 1860 г. тот же Игнатьев заключил договор с Пекином, согласно которому к России отошли Приамурье и Приморье.

Центральная Азия и Дальний Восток издавна были объектом внимания европейских стран, в особенности Англии и Франции. Еще в XVIII в. Англией были захвачены значительные территории в Индии, а Францией – в Индокитае. С помощью ставленников они превратили эти территории в свои вассальные земли. Следующим объектом экспансии стал Китай, куда в середине XVIII в. вслед за англичанами проникли американцы и французы. В середине XIX в. Китай превратился в зависимое от европейских держав государство, где постоянно возникали народные восстания против властей и иноземных захватчиков. С началом второй англо-франко-китайской войны 1856–1858 гг. российское правительство начало проявлять беспокойство, поскольку Китай, с которым у России до сих пор были мирные отношения, мог превратиться в форпост для нападения западных держав на русский Дальний Восток. Там не было ни четко установленной российско-китайской границы, ни тем более оборонительных сооружений. Как писал брату Константину Николаевичу Александр II, “со времени подписания Путятинского трактата¹⁵ китайцы стали к нам недоверчивее, а между тем внутренние смуты усиливаются, так что должно опасаться совершенного распада Китайской империи”¹⁶.

Заключение Пекинского договора 1860 г., установление русско-китайской границы по р. Уссури, развитие русско-китайской торговли не слишком беспокоили Европу: она была занята собственными проблемами. Англия, Франция и США тоже заключили с Китаем выгодные договоры, укрепившие их политические и торговые позиции на Дальнем Востоке. Положение в Китае стабилизировалось, восстание пошло на спад, англичане получили кое-какие китайские территории близ Гонконга.

¹⁴ Там же, с. 130.

¹⁵ Путятинский трактат был подписан в июне 1858 г. в Тяньцзине и касался вопросов установления дипломатических отношений России и Китая. Трактат предоставлял привилегии русской торговле, однако пограничные вопросы не рассматривал.

¹⁶ Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994, с. 90 – 91.

Значительно больше Англию беспокоили действия России на Кавказе и в Средней Азии, тем более что в российской печати муссировалась идея наступления русских войск в направлении Индии, а руководители национально-освободительного движения в Индии не раз обращались за помощью к России. Хотя российское правительство никогда всерьез не рассматривало возможность посылки войск в Индию, справедливо считая это бессмысленной авантюрой, Англия, тем не менее, была встревожена. Это стало одной из причин, заставивших ее изменить свою позицию в польском вопросе, о чем речь будет впереди.

А пока ввиду воинственных вызовов Европы Россия принимала меры по укреплению обороноспособности причерноморских кавказских территорий, вдоль которых крейсировали английские и турецкие суда. На Кавказ в конце 1860-х годов была израсходована 1/6 часть бюджета страны. Милютин, военный министр с 1861 г., разработал широкую программу военных преобразований, одобренную Александром II. К концу 1861 г. русская армия составляла уже более 1 млн. человек¹⁷.

Северный Кавказ и после Крымской войны играл большую роль в планах европейских держав, поскольку здесь еще продолжалось движение горцев под руководством Шамиля. Союзники и раньше пытались установить контакт с горцами и отрезать русскую армию на Южном Кавказе от остальных ее войск. Одновременно планировалась высадка турецкого десанта на Кавказском побережье. Однако разгром турецкого флота при Синопе и ряд успешных побед русских (Ахалцик, Баш-Кадыклер) сорвали эти планы. Активность горцев ослабла, их действия против русских были разобщены и вскоре прекратились. Шамиль был взят в плен, а часть его войск перешла на сторону русских.

Поражение горцев, а следовательно, ослабление английских позиций на Кавказе вызвало бурную реакцию в английском парламенте, ряд членов которого выступили против ратификации Парижского договора¹⁸.

С 1860-х годов английские и османские комиссары активизировали свою деятельность на Кавказе, чему во многом способствовало и восстание в Польше. В 1863 г. был даже разработан план военной экспедиции французских и польских легионеров и высадки их на Кавказском побережье. Легионеры должны были поднять восстание черкесов против России, но те, поняв, что их хотят использовать лишь для борьбы с Россией, а вовсе не для того, чтобы создать независимые горские области, эти планы не поддержали. В дальнейшем русское правительство организовало массовое переселение горцев в Османскую империю, а их земли отдало русским, украинским и немецким колонистам.

Задуманная Милютиным военная реформа встретила неоднозначную оценку в российском обществе. Она предполагала не только реорганизацию армии (небольшая численность в мирное время и быстрая мобилизация в случае войны), но и строительство артиллерийских заводов и стратегических железных дорог. Милютин предвидел, что сильная армия может понадобиться для дальнейшего расширения и укрепления империи на Востоке, а также для отпора западным державам, так как возможность нового столкновения с Европой сохранялась.

Воспользовавшись волнениями в 1861 г. в Польше, перешедшими затем в восстание, западные державы сделали попытку отсечь Польшу от России. В сущности, польский вопрос являлся внутрироссийским делом. Для русского общества события где-нибудь в Италии или в Дании никогда не имели такого значения, как польское национально-освободительное движение. Большинство, считая Польшу частью России, очень болезненно воспринимало и происходящие там события, и действия европейских держав в польском вопросе.

подавляющая часть русского общества, в том числе и интеллигентские круги, была уверена, что восстание в Польше – дело рук Наполеона III, который стремится

¹⁷ *Захарова Л.А.* Милютин – военный министр и реформатор. – Россия. Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М., 2003, с. 19.

¹⁸ История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988, с. 193.

вытеснить Россию – противника его завоевательных планов – из Европы. Известный цензор А.В. Никитенко, пользовавшийся большим влиянием, писал: “Слухи ходят, что Европа принимает в отношении к нам вид все грознее и грознее. Власть в делах мира принадлежит хитрейшему и бесстыднейшему. Теперь она за Людовиком-Наполеоном, и он, кажется, намерен воспользоваться ею, уверив всех, что Россию надобно уничтожить для безопасности Европы, которой угрожает-то собственно он”¹⁹.

Восстание охватило территорию Польши, отчасти Литву и Украину, длилось более двух лет, здесь были задействованы крупные военные силы, а расходы на подавление восстания составили 32 млн. рублей²⁰. Большинство европейских держав сочувствовало Польше. Англия, Франция и Австрия выступили с требованием созыва конференции по польскому вопросу и восстановления польской конституции 1815 г. Однако требования держав к России различались. Австрия, например, имея у себя волнения поляков в Галиции, не участвовала в совместной ноте, но поддержала условия Франции и Англии в отдельной самостоятельной ноте. Протесты поступили и от других европейских стран (кроме Пруссии, Бельгии и некоторых германских государств). США заявили о своем нейтралитете.

Горчакову пришлось подробно разъяснять в ответных нотах суть происшедшего в Польше. Правительство приняло некоторые акты: было опубликовано распоряжение Александра II, касавшееся улучшения благосостояния Польши, 31 марта 1863 г. издан манифест об амнистии повстанцам, отменены телесные наказания и др. Но это не произвело никакого впечатления на Европу, где по-прежнему, особенно во Франции, господствовали русофобские настроения.

“Общественное мнение Европы нам враждебно... – писал брату из Парижа 23 апреля (5 мая) 1863 г. Н.А. Милютин. – Тут важную, если не самую главную роль играет опасение той несокрушимой силы, которую может в более или менее отдаленном будущем представить Россия”²¹. Н.А. Милютин, один из главных участников проведения крестьянской реформы в России, полагал, что в Польше “нужно ставить на крестьян”. И действительно, осуществленные там вскоре крестьянские реформы явились одной из главных причин ослабления восстания. Крестьяне, получившие значительные земельные наделы, не поддержали восставшую шляхту. Характерно, что при всем своем видимом либерализме Горчаков был одним из тех, кто возражал против крестьянской реформы в Польше. Министр любил “пощеголять либеральным образом мыслей, но в сущности его либерализм имел подкладку аристократическую и помещичью... Князь Горчаков принадлежал к числу тех тщеславных людей, которые очень легко поддаются лести и обольщениям, а поляки имели ловких ходатаев в том круге петербургского общества, в котором вращался князь Горчаков”²².

В апреле, июне и в августе 1863 г. Англия, Франция и Австрия трижды направляли России ноты с требованием созыва конференции по польскому вопросу и восстановления конституции 1815 г. и герцогства Варшавского. Однако Горчаков уже понял, что при всех криках и протестах Европа, прежде всего Англия и Австрия, не готовы воевать с Россией за Польшу. Военные приготовления России – увеличение ее армии в Польше до 167 тыс. человек, снаряжение флота, подготовка крейсера на Балтике и в Атлантическом океане и т.д. – встревожили Англию, пуще всего опасавшуюся за свои колонии, не имевшие оборонны. Отправка российской эскадры в Нью-Йорк и другие меры охладили воинственность главных европейских игроков. С осени 1863 г. польский вопрос утих. У Наполеона III нашлись важные дела в Мексике. Английский министр иностранных дел Дж. Рассел заявил в парламенте, что у правительства никогда не было планов воевать из-за Польши. А в Париже вышла антипольская брошюра П.Ж. Прудона, где

¹⁹ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. 1858–1865. М., 1955, с. 323.

²⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 г. М., 2004, с. 137.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 342.

говорилось, что державы не могут одобрять мятеж и требовать восстановления того, что уже 100 лет перестало существовать (т.е. самостоятельной Польши)²³.

Таким образом, попытка Европы развязать военный конфликт из-за Польши окончилась провалом. Лишь недавно грозившие нападением на Россию, европейские страны увидели, что она отнюдь не беззащитна, имеет сторонников и знает уязвимые места соперников. В повышении авторитета России важную роль сыграли отмена в 1861 г. крепостного права и проведение в начале 1860-х годов гражданских реформ: земской, судебной, школьной, городского управления. Реформы в дипломатическом ведомстве, хотя и не были кардинальными, внесли свежую струю в деятельность министерства. Были привлечены энергичные молодые кадры, расширилась консульская сеть, частотность и закрытость дипломатической службы сократились.

Западные державы, оставаясь недоброжелателями России, внешне стали держаться с ней более дружелюбно. Франция и Англия делали явные намеки на желание улучшить отношения с Петербургом. Тем не менее дипломаты и пресса пользовались любым случаем, чтобы уколоть Россию, осудить ее действия в том или ином вопросе. Так, после окончания Кавказской войны в 1864 г. европейская печать резко протестовала против выселения горцев на равнину. Английский посол в Петербурге лорд Нэпир неоднократно обращался к Горчакову и Милютину, требуя прекратить “бесчеловечное переселение”²⁴. Но никто словно бы не замечал, что Турция, принимая у себя переселенных с Кавказа горцев, селила их не в горах, а в равнинных христианских провинциях, где они составляли отряды башибузуков, вырезавших местное население.

Пока Англия, Франция и Россия пытались с выгодой для себя решить судьбу Польши и Кавказа, в Европе уже назревал новый конфликт.

По своим масштабам и эффективности Крымская система в принципе была не способна гарантировать мирное развитие международных отношений в Европе, да и не ставила такой задачи. Тому было много причин: неравномерность экономического развития государств, порождавшая завышенные политические амбиции, рост национально-освободительного движения, колониальные войны, подогревавшие политические и экономические аппетиты монархов, наконец, соперничество монархов друг с другом и их политические просчеты. Организующего начала по типу конгрессов Священного союза не существовало. Решения принимались на различных конференциях, посвященных не общеевропейским, а частным вопросам. Так, в 1858 г. на конференции в Париже было принято решение об объединении Валахии и Молдавии, кстати, вопреки желанию Турции и Австрии. В валашко-молдавском вопросе Россия и Франция действовали едино и отбили попытки Англии и Турции ввести в княжества турецкие войска²⁵.

Начиная с конца 1850-х годов в балканской политике России все четче вырисовывался принцип свободы действий, вне зависимости от монархических и родственных симпатий. Силы России, считал Горчаков, не должны быть подчинены чуждым интересам. Однако провести в жизнь этот принцип было непросто. Россия не имела постоянных союзников в Европе, зато имела постоянных врагов, в частности, в лице Англии. Заключенные союзы были кратковременными и непрочными. Союзник мог предать в любой момент, как поступил Наполеон III в польском вопросе. Петербургу пришлось сделать ставку на Пруссию, иначе он оказался бы в изоляции. Еще в преддверии франко-итало-австрийской войны, 21 апреля 1859 г., Горчаков сообщил российскому посланнику в Берлине А.Ф. Будбергу о ложности распространяемых английскими дипломатами слухов относительно намерения Берлина оккупировать австрийские провинции, пограничные с Россией, и наставлял его: “Постарайтесь, насколько возможно, подчеркнуть намерение императора сохранить в неприкосновенности близость наших теперешних отношений с Пруссией”²⁶.

²³ Там же, с. 321.

²⁴ Там же, с. 455.

²⁵ *Виноградов В.Н.* Указ соч., с. 67.

²⁶ Канцлер А.М. Горчаков, с. 246.

О мерах воздействия, которые Россия оказывала на Пруссию, Горчаков писал в Париж послу П.Д. Киселеву, что они проявляются “ежедневно со времени начала войны, и не только в наших официальных актах и в моих беседах с членами дипломатического корпуса, которые я веду по приказу императора, но также и в выступлениях наших агентов при различных немецких дворах”²⁷. Горчаков полагал, что в австро-итальянском конфликте Пруссия и Франция останутся нейтральными, ибо в противном случае дело может закончиться общеевропейской войной.

Франция не оправдала его надежд, вступив в войну на стороне Италии. Предостережения же Пруссии и германским государствам возымели действие: они не предприняли никаких враждебных шагов против итальянцев и французов. Впрочем, Пруссии, которая хотела главенствовать в Союзе германских государств, ослабление Австрии было выгодно. Ведя двойную игру, Горчаков неустанно повторял, что Россия не связана никакими договорами и сохраняет полную свободу действий²⁸.

Несмотря на то, что объективно Россия содействовала победе Франции, война ухудшила русско-французские отношения. Горчаков писал Киселеву в августе 1859 г. “Сдержанность, которую он (Наполеон III. – В.Х.) высказывает по отношению к Вам, указывает изменение близких отношений, которые предшествовали итальянской войне”²⁹. Здесь же Горчаков формулирует основные принципы политики России в отношении Франции: Россия желает оставаться союзником Франции, но никогда не снизойдет до роли соучастника. Она поддержит Францию во всех вопросах, которые будут выгодны Парижу, но не нанесут ущерб России. “Не следует рассчитывать на нас, – заявлял он, – как на орудие в комбинациях личного честолюбия, из которых Россия не извлечет никаких выгод, а еще меньше в таких, которые могли бы нанести ей вред”³⁰. Здесь министр, безусловно, имел в виду Пруссию, названную в его записке “Обзор секретных соглашений, заключенных императорским правительством”, относящейся к 1859 г., уже союзником России.

Война Пруссии и Австрии с Данией 1864 г. имела немаловажное значение для ослабления Крымской системы. Дания контролировала проливы Эресунн (Зунд), Скаггерак и Каттегат, ведущие к выходу из Балтийского моря, что было особенно важно для русского флота. Пруссия и Австрия воспользовались волнениями немецкого населения в южных провинциях Дании (Шлезвиг и Гольштейн), оккупировали их и захватили контроль над проливами. В их руки попал также и Киль – важный стратегический пункт. Несмотря на обращения о помощи датского короля Георга к Александру II, Россия уклонилась от поддержки Дании. Как писал Горчаков 7 (19) января 1864 г. российскому послу в Берлине П.П. Убри, Петербург не желает ссориться с Бисмарком, только что оказавшим России помощь в польском вопросе³¹. Кроме того, вице-канцлер считал датскую проблему слишком мелкой, чтобы из-за нее нарушать согласие четырех держав. Горчаков полагал, что союз Петербурга, Берлина и Вены явится залогом мира в Европе и европейского равновесия.

Действительно, датский вопрос мало затрагивал интересы России, но Петербург сочувствовал Дании, а датская принцесса была невестой наследника российского престола. Датская проблема имела и еще один аспект. Военные круги России были обеспокоены возможной аннексией Дании Пруссией, что поставило бы под контроль последней выходы из Балтийского моря в мировой океан. Беспокоил Россию и намечавшийся процесс объединения вокруг Пруссии малых германских государств, что грозило ее превращением в крупную европейскую державу. Поэтому, поощряя брак наследника российского престола (в связи со смертью старшего сына царя, Николая, им стал вто-

²⁷ Там же, с. 251.

²⁸ Там же, с. 244.

²⁹ Там же, с. 256–259.

³⁰ Там же, с. 258.

³¹ Там же, с. 282.

рой сын, Александр) с датской принцессой, Россия давала понять Пруссии, что желает сохранить суверенитет Дании.

Однако решающее значение для Горчакова имело согласие европейского ареопага в более значимых, по его мнению, вопросах. 12 (24) февраля 1864 г. он писал в Лондон послу Бруннову: “При рассмотрении датского вопроса никогда не следует упускать из виду, что мы придаем громадное значение сохранению наилучших отношений с Венной и Берлином”³². Относительно попыток Англии не допустить господства Пруссии на Балтике Горчаков высказался как о позиции, при которой интересы всеобщего мира находятся на втором плане.

В итоге Петербург согласился на передачу Шлезвига Пруссии, хотя переход Киля к Берлину со временем мог превратить Пруссию в крупную морскую державу, хозяйку Балтики, а это не соответствовало интересам России. Но вице-канцлер полагал, что у России еще есть время для реализации своей военно-морской программы, с Пруссией же ссориться сейчас опасно. Укрепление Пруссии, считал он, послужит силе и независимости будущей Германии, а значит, и европейскому равновесию³³. Эта политика строилась на компромиссах, не всегда в перспективе выгодных России. Долгосрочные интересы приносились в жертву краткосрочным.

Ориентация Петербурга на Пруссию, безусловно, вызывалась стремлением уменьшить значение Франции и Англии. И хотя Горчаков понимал, что цель Пруссии – объединение германских государств, он надеялся, что этот процесс не получит быстрого развития. К тому же вице-канцлер, переоценивая влияние революционных и либеральных сил в Пруссии, чем его постоянно запугивал Бисмарк, мечтал об оборонительно-консервативном союзе между Россией, Пруссией, Австрией и Англией, “направленном против революционного духа”³⁴. Он даже склонен был обвинять Наполеона III в “потворстве европейской революции”. В определенной степени поддержка Россией Пруссии в датском вопросе была вызвана опасением отставки Бисмарка в случае, если на стороне Дании выступит Англия. Тогда Германия может стать оплотом либерализма, писал Горчаков Бруннову 1 (13) июня 1864 г.³⁵ Бисмарк не упускал случая запугивать Горчакова и польским вопросом. Поэтому существенную роль в позиции России сыграли опасения в связи с “революционной агитацией, которая судьбы герцогств, расположенных на Эльбе, сделала своим знаменем” и которая могла нарушить “согласие между консервативными державами”³⁶.

Таким образом, Крымская система рассматривалась Горчаковым не только как инструмент мира и согласия между европейскими державами, но и, в соответствии с наследием Священного союза, как сила, противостоящая либерализму и революции. Наконец, на поддержку Пруссии Россия рассчитывала в связи с тем, что в 1864 г. она начала военные действия в Средней Азии, что неминуемо вело к обострению отношений с Англией.

Позднее Горчаков признал, что политика России в шлезвиг-гольштейнском вопросе определялась ее слабостью. В “Записке о внешней политике России с 1856 по 1867 г.”, представленной императору, он писал: “Датская монархия с давних пор была союзницей России. Мы с болью восприняли ее распад, и не в наших силах было воспрепятствовать тому. Европа, блудя договорами, самоустранилась. В одиночку мы могли спасти Данию лишь ценой войны, которую навязала бы нам Германия”³⁷.

Решение датского вопроса в пользу Пруссии, укрепив ее, нанесло существенный удар европейскому равновесию. Теперь у Бисмарка были развязаны руки в деле объ-

³² Там же, с. 293.

³³ Там же, с. 290. А.М. Горчаков – А.П. Маренгейму, поверенному в делах России в Пруссии, 30 января (11 февраля) 1864 г.

³⁴ Там же, с. 307.

³⁵ Там же, с. 308.

³⁶ Там же, с. 289. А.М. Горчаков – А.П. Моренгейму 30 января (11 февраля) 1864 г.

³⁷ Там же, с. 323.

единения Германии. Берлин взял курс на вытеснение из Германского союза Австрии, являвшейся его главной соперницей в борьбе за лидерство в этом союзе. Политика Бисмарка, основанная на военно-силовом балансе, преследовала цель развалить Крымскую систему, а это совпадало с интересами России. Поэтому, в конечном счете, Петербург и был на стороне Берлина.

Немаловажную роль в позиции Петербурга сыграло также австрийское проникновение на Балканы – политическое, экономическое и культурное, которое затрагивало традиционные стратегические и геополитические интересы России. Не располагая в тот период крупными военными силами и финансовыми средствами, Россия в своей балканской политике больше уповала на политико-идейные мотивы: единство религии, общность культуры, исторические связи русского и балканских народов. В христианских провинциях Османской империи российские дипломаты постоянно оказывали помощь православному населению в защите его прав, развитии национальной церкви и культуры. Однако эти меры уже не давали серьезных результатов, а экономическая отсталость России и ее самодержавный строй препятствовали тесному сближению.

Вена не теряла времени даром и не жалела средств на экспансию. Уже не довольствуясь привлечением на свою сторону славян-католиков Османской империи, она вторглась в области, традиционно бывшие православными и “прорусскими”, обращая православных в унию, устраивая католические школы, церкви, подкупая местные османские власти. Со временем Россия могла потерять свой единственный “козырь” на Балканах – симпатии православного населения. Недоволен был Петербург и позицией Австрии в вопросе о Дунайских княжествах. Как писал Горчаков в докладе царю от 3 (15) сентября 1865 г., “политика этой державы настолько зависит от настоящих ее затруднений, внутренних и внешних, что никак нельзя полагаться на нее”³⁸.

России так и не удалось приобрести союзников, желавших поддержать ее в вопросе отмены нейтрализации Черного моря. Главным противником Горчаков теперь считал Францию. “Всюду, где мы приходим в соприкосновение, – писал он в том же докладе, – французский кабинет доказывает нам свою враждебность, не оправдываемую ни различием принципов, ни противоречием интересов”³⁹. Другие державы, по мнению Горчакова, поддерживали политику Наполеона III. С Англией согласие было достигнуто в европейских вопросах, но не в восточных делах.

Определенных успехов российской дипломатии добилась в Северной Америке, где она оказывала поддержку вашингтонскому правительству, видя в нем противовес Англии и Франции. Переписка Горчакова с российским посланником в США Э.А. Стеклем в начале 1860-х годов свидетельствует о том, что Петербург выступал против разделения Американского союза и блокады берегов США, как предлагали Англия и Франция. Такая позиция Петербурга сыграла важную роль в сохранении единства Североамериканского государства.

В докладе императору о внешней политике России в 1856–1867 гг. Горчаков снова констатировал “серьезное нарушение политического равновесия в Европе”, главным образом из-за действий Пруссии, которая поглотила Северную Германию, а затем нанесла поражение Австрии. В результате австро-прусской войны 1866 г. Австрия была вытеснена из Германского союза. “С тех пор как она (Австрия. – В.Х.) утратила связи с Италией и Германией, – писал Горчаков, – сродство влечет ее к Дунаю и Висле; учитывая ее антиславянские устремления, она становится нам решительным противником, а политическая деятельность г-на Бейста (министра-президента Австро-Венгрии. – В.Х.) превращает ее в непосредственную угрозу”⁴⁰. Поражение Австрии и ее разворот к Балканам привели не только к внешнеполитическим осложнениям в этом регионе, но и к прославянскому движению в самой России, чего опасался Горчаков. Именно с конца 1860-х годов в России усиливается интерес общества к славянам и активное выраже-

³⁸ Там же, с. 316.

³⁹ Там же, с. 316–317.

⁴⁰ Там же, с. 325.

ние прославянских симпатий. Пресса всех направлений писала о намерении Австрии “прибрать к рукам” славянские земли Османской империи и призывала правительство и общество к сопротивлению “Drang nach Osten”.

В 1868 г. в Москве была организована Этнографическая выставка и состоялся Славянский съезд. В этих мероприятиях участвовали представители фактически всех славянских народов Европы. Антигерманские и антиавстрийские настроения российского общества были налицо. В стихотворном послании к съезду Ф.И. Тютчев писал:

Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны.
Но все же братья мы родные...
Вот, вот что ненавидят в нас:
Вам не прощается Россия,
России не прощают вас.

Все это не вызывало одобрения российского внешнеполитического ведомства, которое рассматривало Австрию в качестве некоего противовеса германской экспансии в Европе. Как писал Горчаков царю в декабре 1867 г., главная цель внешней политики России состоит в том, чтобы избежать всяких внешнеполитических осложнений, которые могут отвлечь ее от внутренних задач, и приложить все усилия к тому, чтобы в Европе не было изменений в равновесии сил и территориальных конфликтов, способных нанести ущерб русским интересам⁴¹.

Поражение Австрии и создание Северногерманской федерации изменили конфигурацию сил в Европе. Если Александр II был недоволен включением в федерацию земель своих германских родственников, то Горчаков прямо заявлял, что “поглощение Северной Германии Пруссией и завершение территориального объединения Германии, которое, видимо, из этого воспоследует, это несомненно означает серьезное нарушение политического равновесия в Европе”⁴².

Стараясь оправдать нейтралитет России, министр далее замечал: “События столь большого значения не случайны. Частью они являются результатом действия высших сил и не поддаются человеческому прозрению”, – а в записке царю в январе 1868 г. добавил, что лично он сделал все, чтобы предотвратить австро-прусскую войну, но нигде не нашел поддержки.

Впрочем, для России, считал он, выгодно создание между ней и агрессивной Францией сильного буфера – Пруссии, хотя знал, что “Пруссия не остановится”. Однако ему казалось, что “сегодня ни Франция, ни Пруссия не в состоянии уничтожить одна другую”, следовательно, обе будут поддерживать с Россией добрые отношения. И тогда, надеялся он, ему удастся добиться отмены нейтрализации Черного моря. При наличии франко-пруссских противоречий, с точки зрения Горчакова, уже не может быть никаких коалиций против России.

Однако позиция Петербурга в австро-прусской войне восстановила против него Вену. В августе 1867 г. Вена и Париж заключили направленное против России соглашение о сохранении целостности Османской империи.

В сущности, Пруссия осталась единственным союзником России. Позднее, в результате поражения Франции в 1870 г. во франко-прусской войне, это сыграло свою роль в деле отмены нейтрализации Черного моря. В России тогда курили фамию Горчакову, умело воспользовавшемуся нужным моментом для объявления своим циркуляром от 19 (31) октября 1870 г. о том, что Россия больше не признает санкций, наложенных на нее решениями Парижского конгресса 1856 г. относительно ограничения ее прав в Черном море.

⁴¹ Там же, с. 321.

⁴² Там же, с. 323.

Но возвратимся в конец 1860-х годов. Вытесненная после Крымской войны на обочину европейской политики, Россия пока еще не вернула себе былую роль в европейских делах, и ее мнение по ряду важных внешнеполитических вопросов учитывалось далеко не всегда. Например, в январе – феврале 1869 г. на Парижской конференции по критскому вопросу все державы решительно выступили против русского предложения передать о. Крит Греции. Как писал Горчаков послу в Турции Н.П. Игнатьеву, “мы здесь ничего не можем сделать, еще один шаг означал бы войну, а она не может и не должна входить в наши расчеты”⁴³.

Тем не менее влияние России на международные дела продолжало быть довольно значительным, что объяснялось размерами страны, ее природными и людскими ресурсами, а также отсутствием для нее угрозы новой войны. Конечно, с помощью союза с Францией, а затем с Пруссией Россия сумела в какой-то степени восстановить свой престиж в Европе, но кардинальные вопросы ее внешней политики так и не были решены. Главной целью России являлась не только нейтрализация Черного моря, но и изгнание турок с Балкан, создание там христианских государств, с помощью которых мог быть установлен контроль над Черноморскими проливами. Но здесь Петербург встречал сильное сопротивление европейских держав, стремившихся сохранить целостность Османской империи и усилить там свое экономическое и политическое влияние. Недаром в своем циркуляре от 19 (31) октября 1870 г. об отмене нейтрализации Черного моря Горчаков даже не осмелился упомянуть о задаче освобождения славян, за что его осудило русское общество и сами славянские народы, питавшие большие надежды на освобождение в связи с франко-прусской войной.

Ставка на достижение европейского равновесия и баланса сил провалилась. Да и сама Россия, поощряя гегемонистские притязания Франции, а потом Пруссии, по сути дела, устранялась от сохранения европейской безопасности. Впрочем, здесь ее позиция не отличалась от позиций других держав, но это означало провал доктрины Горчакова.

Вместе с тем крах Крымской системы принес России ощутимые результаты. Отмена санкций означала разрешение иметь военный флот на Черном море и восстановить там крепости. Важная сама по себе отмена санкций способствовала также усилению национального престижа, давала надежду на возвращение былых позиций в Европе и в целом укрепляла международное положение России. Укрепился авторитет Петербурга и на Балканах – благодаря активным действиям российских консулов в защиту христианского населения.

В период существования Крымской системы карта Европы была основательно перекроена. Появились новые сильные государства – Германия, Италия, другие прекратили свое существование либо потеряли часть территории. Развитие капиталистических отношений способствовало активизации захватнической политики держав. В этих условиях действовало “право силы”, а не “европейский концерт”. Чтобы отстоять российские интересы, Горчакову приходилось лавировать и заключать временные союзы. Во всех кризисных ситуациях роль российской дипломатии сводилась к стремлению сохранить мир.

В отличие от Франции, Австрии и Пруссии Россия, не имевшая ни мощного военного потенциала, ни развитой экономики, не могла себе позволить действовать с позиции силы, тем более “бряцать оружием”. Проводимые в стране экономические, политические и военные реформы требовали огромных средств. Между тем военные круги, наблюдая, как европейские державы овладевают территориями в Азии, превращая граничащие с Россией азиатские государства в свои колонии или зависимые территории, требовали активизировать наступление на азиатском направлении. Подчас это приводило к конфликтам между военным и дипломатическим ведомствами, но для российской дипломатии Азия имела пока еще второстепенное значение. Главным направлением была Европа. Благодаря искусству российских дипломатов, в том числе дипломатическому таланту Горчакова, Петербургу удалось добиться ряда важных внешнеполитических успехов,

⁴³ См. *Сенкевич И.Г.* Россия и Критское восстание 1867–1869 гг. М., 1970, с. 197.

отчасти восстановить свое влияние. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что Бисмарк, получивший поддержку России в решении начать войну с Францией в 1870 г., был неприятно удивлен циркуляром Горчакова об отмене нейтрализации Черного моря, но предпочел смолчать, имея в виду перспективу союза Петербурга, Берлина и Вены.

В настоящее время в историографии существуют разные оценки как самой Крымской системы, так и роли в ней России. Противопоставляя Венскую систему (тишина и мир в Европе) Крымской (война, агрессия, шовинизм), В.В. Дегоев обвиняет Россию в разрушении прежнего мироустройства⁴⁴. Петербург, считает он, произвольно содействовал европейскому “беспорядку”, явившись “ключевым фактором в появлении Германской империи”, что разрушило европейское равновесие⁴⁵. На наш взгляд, говорить о возможности равновесия после войн 1850–1860-х годов, предпринятых Францией, Австрией и Пруссией, по меньшей мере, странно. Если кто и заботился о равновесии, так это Горчаков. Но данная цель была недостижима в условиях бурного развития капиталистических отношений в Европе, экономического и политического соперничества государств, а также отсутствия мощного сдерживающего фактора, каким являлась Россия в период Венской системы. Разрушив эту систему и устранив лидерство России, европейские страны принялись делить Европу сообразно своим средствам и возможностям.

Крымская система перестала существовать не столько из-за поддержки Петербургом Пруссии, сколько из-за авантюризма французского правителя, возмнившего себя вершителем судеб европейского континента. Вопрос о новом союзнике для России решило данное в 1868 г. Петербургу Берлином обещание помочь в пересмотре Парижского договора, в чем ему под разными предложениями так долго отказывал Наполеон III.

Уже в 1873 г. Россия, Германия и Австро-Венгрия заключили союз трех императоров. С его помощью Россия надеялась решить свои балканские дела, Германия – не допустить восстановления сильной Франции, Австро-Венгрия – урегулировать отношения с Петербургом по балканскому вопросу. Союз трех монархов сочетал в себе как общие, так и различные интересы составивших его держав, но базировалось их объединение на консервативно-монархической основе: одной из главных задач являлась борьба против революционной угрозы в Европе. Революция 1870–1871 гг. во Франции была подавлена, в том числе с помощью германских штыков. В России начиналось революционное брожение молодежи, в Германии с конца 1860-х годов действовала социал-демократическая партия.

Союзники России вовсе не собирались способствовать усилению России в Балканском регионе, установлению ее контроля над Проливами. Австро-Венгрия имела на Балканах собственные интересы и рассчитывала на территориальные приобретения. Германия втайне поддерживала ее агрессивные планы. Но они поощряли Петербург, намереваясь использовать результаты военного вмешательства России на Балканах с пользой для себя. Истинные цели союзников выявились в ходе Восточного кризиса 1870-х годов, сопровождавшегося восстаниями и войнами балканских народов – сербов, болгар, черногорцев – против османского ига.

Активное участие в процессе преодоления кризиса приняли наиболее заинтересованные страны – Россия и Австро-Венгрия. В августе 1876 г., сразу после начала антиосманского восстания в Герцеговине, в Вене был создан “Центр соглашения трех дворов”, пытавшийся примирить враждовавшие стороны. Особую заинтересованность при этом проявил австрийский канцлер Д. Андраши, рассчитывавший присоединить к Австро-Венгрии Боснию и Герцеговину. Однако его переговоры с повстанцами завершились неудачей.

В апреле 1876 г. разразилось восстание в Болгарии. Жестокое подавление его турками, когда были убиты около 200 тыс. болгар, вызвало возмущение европейской

⁴⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы. 1700–1918 гг. М., 2004, с. 314.

⁴⁵ Там же, с. 324.

общественности. Возникшую ситуацию решили использовать Сербия, Черногория и Румыния. В июне 1878 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции, закончившуюся их поражением.

Ранее противник решения балканского конфликта военными средствами, Горчаков вынужден был признать неизбежность русско-турецкой войны. В России наблюдался огромный общественный подъем в защиту славян и развернулось добровольческое движение на Балканы.

Чтобы нейтрализовать Австро-Венгрию, Петербург подписал с ней в июне 1876 г. так называемое Рейхштадтское соглашение о компенсации австрийцам в случае победы сербов в войне. Подразумевалось, что это соглашение может относиться и к возможной войне России с Турцией. По русской записи документа Австро-Венгрия получала часть Боснии, а Болгария и Румелия становились независимыми княжествами; по австрийской – к Австро-Венгрии отходили основные территории Боснии и Герцеговины. Обе стороны обязались не содействовать созданию на Балканах большого славянского государства. Уже в этом акте проявилось стремление “союзной” Вены ограничить российское влияние в балканском регионе.

На Константинопольской конференции послов европейских держав, проходившей в декабре 1876 г. – январе 1877 г. и созванной с целью мирного урегулирования Восточного кризиса, были приняты решения о предоставлении автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине. При этом австрийские делегаты не возражали против последнего, зная о секретных договоренностях в Рейхштадте. Однако постановления конференции были отвергнуты Портой, что означало возможность преодоления кризиса только военным путем.

В преддверии войны с Османской империей российская дипломатия предприняла серьезные усилия, чтобы убедить Европу в отсутствии у Петербурга планов захвата территорий на Балканах и в необходимости поддержать решения Константинопольской конференции. Если Бисмарк согласился на это и даже обещал в случае русско-турецкой войны придерживаться дружественного нейтралитета, то Андраши, напротив, резко осудил военные приготовления России. В итоге нейтралитет Вены был куплен дорогой ценой – заключенной в Будапеште в январе 1877 г. тайной конвенцией, согласно которой после войны австрийские войска занимали Боснию и Герцеговину “в удобное время”, что и было реализовано в 1878 г.

Русско-турецкая война, объявленная Порте Россией в апреле 1877 г., закончилась 19 февраля (3 марта) 1878 г. подписанием в г. Сан-Стефано прелиминарного мирного договора. На Балканском полуострове создавались независимые государства – Сербия, Румыния и Черногория. Болгария (с включением Румелии и Македонии) становилась вассальным княжеством и получала автономию. В Боснии и Герцеговине проводились широкие реформы в интересах христианского населения. России возвращалась Южная Бессарабия, на Кавказе она приобретала города Батум, Карс и Баязет. Договор открывал возможности для дальнейшего национального, культурного и экономического развития христианских балканских народов.

Все это создавало условия для усиления влияния России на Балканах. Однако со стороны западных держав последовали протесты: Англия возражала против создания Большой Болгарии, Австро-Венгрия – против автономии Боснии и Герцеговины (последнее нарушало ранее принятые договоренности Петербурга и Вены). Лондон и Вена начали военные приготовления с целью оказать давление на Петербург. Учитывая состояние армии (военная реформа Милютина еще не была завершена), громадные людские потери во время войны с Турцией, финансовую слабость и революционное движение в стране, Россия не могла пойти на новую войну с европейской коалицией.

Петербург решил договориться со своими противниками порознь. Бисмарк посоветовал Горчакову найти общий язык с Андраши. Последний потребовал созыва европейского конгресса для обсуждения итогов войны, в том числе сокращения территории ряда балканских провинций, прежде всего Болгарии, от которой отделялась Восточная Румелия. Требования Вены отражали ее стремление усилить свое присутствие на Бал-

канах, получить выход в Эгейское море и установить полный контроль над Македонией, т.е. она желала получить все выгоды от войны, в которой не участвовал ни один ее солдат. России, оказавшейся без союзников, пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора. И Вена, и Берлин фактически предали ее, отстаивая собственные экономические и стратегические интересы.

Решение столь значимого для России Восточного вопроса было передано на суд Европы, и теперь российской дипломатии требовалось отстоять хотя бы некоторые важные составляющие своей внешнеполитической программы на предстоящем конгрессе в Берлине.

В период действия Крымской системы успехи российской дипломатии чередовались с явными неудачами. Главной ее заслугой явилось решение ряда важных задач мирными средствами, без втягивания в европейскую войну, что произошло во многом благодаря Горчакову, отлично понимавшему ситуацию в Европе. Его доктрина европейского равновесия не пользовалась успехом у творцов европейской внешней политики, более агрессивных и решительных, чем дипломаты предшествующего периода. Нараставшая свой экономический и военный потенциал, крупные европейские государства стремились к территориальному расширению и втягиванию в свою орбиту более мелких стран. Наполеон III, Бисмарк и итальянский премьер-министр К. Кавур не боялись затевать войны ради своей гегемонии в Европе или в каком-либо ее регионе. В Крымской системе отсутствовал такой инструмент, как международные конгрессы, ибо амбициозные задачи “хозяев Европы” трудно было решить на форумах высшего уровня. Частные вопросы обсуждались на международных конференциях, на уровне послов. За период с 1856 по 1871 гг. состоялось восемь международных конференций в Париже, Лондоне, Константинополе, на которых были урегулированы вопросы об объединении Дунайских княжеств, сербо-турецкие конфликты, шлезвиг-гольштейнский и критский вопросы, вопрос о режиме Черноморских проливов.

В одних случаях российские представители добивались приемлемых для Петербурга решений, в других – нет. Послы в европейских странах – Ф.И. Бруннов, Э.Г. Стакельберг, А.Ф. Будберг и другие – были, как правило, представителями старой “нессельродовской” школы. Они вели себя осторожно, и им непросто было отстаивать интересы России под натиском напористых европейских дипломатов. К примеру, на конференции в Лондоне в 1871 г., посвященной режиму Черноморских проливов, Бруннов под давлением английского премьера лорда Гренвиля согласился на пропуск через проливы в мирное время военных судов европейских стран, что было чрезвычайно опасно для России. Хорошо, что турецкий делегат Мусурус-паша, усмотрев в этой формулировке опасность и для Турции, добился замены термина “неприбрежные страны” на “дружественные и союзные султану”. Посол в Константинополе Н.П. Игнатъев заметил по этому поводу: “На конференции турки упорно противились, отстаивая наши интересы”⁴⁶.

* * *

Подводя итоги внешней политики России в период Крымской системы, можно констатировать, что российской дипломатии удалось решить одну из важнейших для страны проблем – добиться отмены статей Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря. Вместе с тем, хотя Россия во имя принципа европейской безопасности, сохранения “европейского концерта” подчас жертвовала своими интересами, шла на нежелательные для нее компромиссы, она так и не сумела восстановить свою былую роль прочного гаранта мира в Европе. Из-за внутренних проблем, о которых уже говорилось выше, правительство России не могло себе позволить каких-либо масштабных внешнеполитических акций, а ее дипломатия придерживалась оборонительной тактики.

Крымская система продержалась фактически 15 лет и была подорвана франко-прусской войной 1870–1871 гг. Но прекращение ее существования не было одномо-

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации, ф. 730 (Н.П. Игнатъев), оп. 1, д. 4492, л. 15–16. Н.П. Игнатъев – П.Н. Игнатъеву 2 (14) февраля 1871 г.

ментным. Потребовалось время, чтобы в Европе сложились новые конфигурации сил. В результате разгрома Франции появилась Германская империя. В 1872–1873 г. был создан Союз трех императоров, оформленный в июне 1873 г. австро-российским Шенбрунским соглашением, к которому присоединился германский император Вильгельм I. Несколько ранее была подписана русско-германская военная конвенция. Восточный кризис 1875–1878 г., завершившийся Берлинским конгрессом 1878 г., также способствовал изменению расстановки европейских сил.

Все это привело к существенной перекройке карты Европы. России же пришлось убедиться в том, что во внешней политике основную роль играет не столько искусство дипломатов, сколько экономическая и военная мощь государства.